

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

С. Ю. Поярков

Всероссийский научно-исследовательский институт
физико-технических и радиотехнических измерений
г. Солнечногорск, Московская область, Российская Федерация

Становление адаптивного конституционализма через призму текстов национальных конституций: типология моделей и сценарии трансформации

Резюме. В статье обоснована авторская концептуализация адаптивного конституционализма как современной модели правового регулирования, способной обеспечить устойчивость и динамичность конституционного порядка в условиях радикальных внешних и внутренних трансформаций. На базе сопоставительного анализа девяти современных конституций различных стран и правовых традиций разработана типология моделей адаптивного конституционализма: институционально гибкой, культурно-ценностной, политико-правовой переходной, судебно-интерпретативной и латентно адаптивной. Критерии разграничения этих моделей сведены к трем основным параметрам. Во-первых, это доминирующий источник адаптации: в одних странах адаптивность обеспечивается парламентом или конституционными комиссиями (законодатель), в других — конституционным судом (суд), в третьих — участием народа через референдум или учредительное собрание (народ). Во-вторых, это уровень институционализации изменений: механизмы адаптации встроены в саму конституционную ткань либо действуют как внешние по отношению к тексту. В-третьих, степень нормативной открытости текста: возможность гибкой интерпретации, широкие формулировки, ссылки на международное право, открытые ценностные декларации. Сценарный анализ позволил выявить четыре базовых направления развития конституционного порядка: эволюционное, реформаторское, трансформационное и гибридное. Каждый сценарий исследован с точки зрения внутренних ограничений, ресурсов устойчивости и политико-правовых рисков.

Ключевые слова: адаптивный конституционализм; гибкость конституции; институциональные механизмы; сценарный анализ; сравнительное правоведение; легитимность; конституционная идентичность; цифровая трансформация; модели правового обновления

Для цитирования: Поярков С. Ю. Становление адаптивного конституционализма через призму текстов национальных конституций: типология моделей и сценарии трансформации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 56–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

The Emergence of Adaptive Constitutionalism through the Lens of National Constitutional Texts: A Typology of Models and Transformation Scenarios

Sergei Yu. Poyarkov

All-Russian Scientific Research Institute for Physical-Engineering and Radiotechnical Metrology
Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The paper substantiates the author's conceptualization of adaptive constitutionalism as a contemporary model of legal regulation capable of ensuring the stability and dynamism of the constitutional order under conditions of radical external and internal transformations. Based on a comparative analysis of nine modern constitutions from different countries and legal traditions, the study has developed a typology of models of adaptive constitutionalism. It includes the institutionally flexible model, the cultural-value model, the politico-legal transitional model, the judicial-interpretive model, and the latent adaptive model. The criteria distinguishing these models are reduced to three main parameters. First, this is the dominant source of adaptation — in some

© Поярков С. Ю., 2026

countries adaptability is ensured by parliament or constitutional commissions (the legislature), in others by the Constitutional Court (the judiciary), and in still others by public participation through referendum or a constituent assembly (the people). Second, this is the level of institutionalization of change: mechanisms of adaptation are either embedded in the constitutional *fabric* itself or function as mechanisms external to the text. Third, this is the degree of normative openness of the text: the possibility of flexible interpretation, broad formulations, references to international law, and open value declarations. Scenario analysis made it possible to identify four basic directions in the development of the constitutional order: evolutionary, reformist, transformational, and hybrid. Each of these scenarios is analyzed in terms of its internal constraints, resources of resilience, and politico-legal risks.

Keywords: adaptive constitutionalism; constitutional flexibility; institutional mechanisms; scenario analysis; comparative law; legitimacy; constitutional identity; digital transformation; models of legal renewal

Cite as: Poyarkov SYu. The Emergence of Adaptive Constitutionalism through the Lens of National Constitutional Texts: A Typology of Models and Transformation Scenarios. *Lex russica*. 2026;79(8):56-73. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

Введение

Современный этап развития конституционного права, ознаменованный ускоренной трансформацией институтов публичной власти и правовых систем, выявляет глубокие внутренние противоречия между традиционно закрепленными в текстах конституций основаниями государственности и меняющейся социальной, технологической и политической реальностью. Конституции, создававшиеся как акты стабильности, сегодня всё чаще сталкиваются с необходимостью адаптации к новым вызовам — от цифровой трансформации и изменения структуры политического участия до глобальных кризисов, затрагивающих устойчивость государств. В этой связи на передний план выходит идея адаптивного конституционализма как новой исследовательской и практической парадигмы, способной объяснить и направить процессы эволюции конституционного порядка без разрушения его легитимности и исторической преемственности.

Актуальность темы становления адаптивного конституционализма обусловлена как внутренними потребностями правовых систем, так и внешними вызовами, затрагивающими практически все конституционно организованные государства. С одной стороны, наблюдается исчерпанность потенциала классической модели либерального конституционализма, с

ее акцентом на стабильные институты и формальные гарантии, с другой — усиливается запрос на гибкие и чуткие к изменениям формы конституционного регулирования. В условиях, когда социальная ткань становится всё более сложной, а процессы глобализации и цифровизации подрывают традиционные формы политической организации, конституционный порядок требует принципиально новых подходов к своей нормативной структуре и функционированию.

На этом фоне в научной и правовой литературе всё чаще поднимается вопрос о пересмотре принципов и механизмов конституционной стабильности. Исследователи, такие как D. A. Strauss¹, R. Dixon², T. Ginsburg³, разрабатывая понятия «живая конституция», «эволюционный конституционализм», «адаптивная легитимность», подчеркивают необходимость учета динамики социальной среды в интерпретации и реформировании основных законов. В частности, речь идет о том, что адаптивный подход позволяет избежать институционального стопа и сохранить релевантность конституционного порядка в условиях перемен. Это положение находит отклик и в отечественной науке, где на рубеже 2010–2020-х гг. усилилось внимание к гибкости конституционно-правовых институтов (см. работы Н. С. Бондаря⁴, Р. А. Ромашова⁵, В. А. Смирнова⁶, Т. Я. Хабриевой⁷ и др.).

¹ Strauss D. A. *The Living Constitution*. Oxford University Press, 2010.

² Dixon R. *The New Responsive Constitutionalism* // *Modern Law Review*. 2024. Vol. 87 (4). P. 799–832.

³ Ginsburg T., Huq A. Z. *How to Save a Constitutional Democracy*. Chicago : University of Chicago Press, 2018.

⁴ Бондарь Н. С., Берлявский Л. Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024. Т. 20. № 4. С. 46–59.

⁵ Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России // *Юридическая техника*. 2023. № 17. С. 22–26.

В то же время, несмотря на растущий интерес к теме, категория адаптивного конституционализма до сих пор не получила системного теоретического оформления. Преобладают дискуссионные и фрагментарные подходы, ориентированные либо на отдельные аспекты трансформации (например, конституционные реформы или судебную интерпретацию), либо на обобщения, не опирающиеся на компаративный эмпирический материал. На практике это приводит к тому, что обсуждение адаптивности сводится к оценке частных случаев пересмотра конституций, без анализа того, какие структурные элементы текстов позволяют системам быть гибкими, но не разрушительными для собственной легитимности. Между тем именно структура, процедурность и участие формируют основу адаптивного конституционного дизайна, способного противостоять как эрозии институтов, так и чрезмерной радикализации.

Таким образом, в исследовании предпринимается попытка преодолеть имеющийся теоретический разрыв между концептуальным уровнем дискуссии об адаптивности и ее институциональными проявлениями в текстах действующих конституций. Основная цель работы — выявить признаки становления адаптивного конституционализма на основе сравнительного анализа национальных конституций девяти государств, представляющих разные правовые системы, политические режимы и региональные традиции. Такой подход позволит не только зафиксировать наличие адаптивных черт, но и выстроить типологию моделей, в рамках которых реализуется тот или иной вариант «живого» конституционного порядка.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и системном подходе к изучению адаптивности как юридически значимого свойства конституции, проявляющегося не только в механизмах пересмотра или динамике судебной практики, но и в самом тексте, его логике, процедурной структуре, встроенных институтах и методах обратной связи с обществом. Предлагаемое исследование опирается на междисциплинарную методологию, сочетающую элементы структурно-функционального анализа, формально-юридического подхода (при анализе норм конституций), компаративного метода (сравнение разных пра-

вовых систем), а также кейс-метода (рассмотрение конкретных национальных примеров с акцентом на их уникальные черты). Особое внимание уделяется принципу институциональной чувствительности, позволяющему понять, насколько определенная конституция способна реагировать на изменения внешней среды, не теряя при этом своей правовой сущности. В этой связи исследование ориентировано не столько на оценку соответствия формальных норм некоему идеалу, сколько на выявление скрытых механизмов адаптации, встроенных в текст, структуру и дух конституции.

Таким образом, статья стремится соединить теоретическую глубину и доктринальную строгость с эмпирическим богатством сравнительно-правового анализа, предлагая системное понимание адаптивного конституционализма как новой фазы в развитии правового государства. В условиях, когда перед конституциями стоят задачи не просто сохранения, но и обновления легитимности, поиск таких моделей, которые обеспечивают устойчивость через гибкость, становится не только научной, но и практической необходимостью.

Теоретико-правовые основы адаптивного конституционализма

Формирование представлений об адаптивном конституционализме как о самостоятельной концепции в системе современного конституционного права представляет собой важный этап в развитии юридической мысли, когда трансформационные процессы рассматриваются не как исключение из нормы, а как естественное и даже необходимое условие поддержания жизнеспособности основного закона. Истоки идеи адаптивности в праве восходят к классическим представлениям о природе конституции как акта особого рода, заключающего в себе как нормативную жесткость, так и потенциальную изменяемость. Однако на протяжении значительного периода в правовой науке господствовала парадигма нормативного конституционализма, трактующего конституцию прежде всего как фиксированную систему высших правовых норм, устойчивых во времени и призванных противостоять произвольным изме-

⁶ Смирнов В. А. Теория «живой конституции» в современном конституционализме // Современное право. 2022. № 2. С. 98–107.

⁷ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016.

нениям. Такой подход, основанный на идее стабильности и сопротивления изменениям, особенно ярко проявлялся в немецкой доктрине *Verfassungsstaat* и американской концепции оригинализма, где акцент делался на первоначальном смысле текста как главном ориентире для его применения и интерпретации.

Тем не менее начиная с конца XX в. и особенно в первой четверти XXI в. всё активнее формируется эволюционная модель конституционализма, где адаптация к социальным, экономическим и политическим изменениям рассматривается не как угроза, а как проявление зрелости конституционной системы. В рамках этой модели подчеркивается: конституция не может быть лишь закрытым текстом, застывшим в момент своего принятия, но должна быть восприимчивой к внутренним и внешним вызовам, сохраняя при этом ядро своей юридической идентичности. В науке подобный поворот в мышлении проявился в работах ряда авторов, которые исследуют эволюционный путь развития конституций через судебные интерпретации и социальные механизмы. Они показывают, что качество и эффективность конституции меняются со временем: одни нормы угасают, другие становятся более зрелыми. Такой подход раскрывает природу адаптивности основного закона как признака жизненного цикла зрелой системы⁸. При этом Н. Brunkhorst, анализируя эволюцию конституционного права, указывает на его реакцию на глобальные и региональные кризисы начала XXI в. Он отмечает, что адаптация в условиях кризиса становится нормальным и зрелым проявлением развития конституционной системы⁹. Аналогичные идеи развивает и J. Elster, который вводит в оборот концепт «разумный институциональный дизайн», в основе которого лежит идея адаптивности как залога эффективности и устойчивости правовых институтов в долгосрочной перспективе¹⁰.

Юридическая категория адаптивности предполагает более четкое отграничение от смежных понятий, таких как «гибкость», «устойчи-

вость», «изменяемость» и «пластичность». «Гибкость» в данном контексте следует понимать как способность правовой системы или ее отдельных институтов варьироваться в рамках установленных процедур без разрушения системы. Устойчивость же, напротив, предполагает сопротивляемость быстрым изменениям и ориентирована на воспроизводство существующего порядка. Адаптивность объединяет эти начала, представляя собой способность не просто к изменению, но к такому, которое усиливает целостность, функциональность и легитимность системы. Это свойство предполагает, во-первых, наличие процедурной базы, допускающей переосмысление норм и институтов, и, во-вторых, политико-правовую культуру, признающую необходимость перемен как часть естественного жизненного цикла конституционного порядка. В этом смысле адаптивность выступает не как оппозиция устойчивости, а как ее структурное продолжение, обеспечивающее долговечность через эволюцию.

Основные признаки адаптивного конституционализма, выявленные в ходе изучения правовых систем различных государств и обсуждений в академической литературе, могут быть сгруппированы в несколько функциональных блоков.

Во-первых, адаптивность проявляется в процедурности и открытости конституционного процесса. Речь идет не просто о формальной возможности изменения текста, но о наличии институциональных каналов, обеспечивающих участие различных социальных групп, экспертного сообщества и иных субъектов в обсуждении и подготовке изменений. Эта особенность находит выражение, например, в Конституции Южно-Африканской Республики 1996 г.¹¹, где процедура поправок детализирована таким образом, чтобы обеспечить не только юридическую, но и общественную легитимацию изменений.

Во-вторых, ключевым элементом адаптивности является институциональная восприимчи-

⁸ Elkins Z., Ginsburg T. G., Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

⁹ Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century // Social Research: An International Quarterly. 2014. Vol. 81 (3). P. 519–539.

¹⁰ Elster J. The Optimal Design of a Constitution-making Process // La sagesse collective: principes et mécanismes : colloque / Collège de France. 22.05.2008. URL: <https://www.college-de-france.fr/fr/agenda/colloque/la-sagesse-collective-principes-et-mecanismes/the-optimal-design-of-constitution-making-process> (дата обращения: 27.07.2025).

¹¹ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6455> (дата обращения: 27.07.2025).

вость к изменениям, заключающаяся в способности органов публичной власти, прежде всего парламента и суда, не только реагировать на вызовы, но и делать это в рамках правовой процедуры, не нарушая основ конституционного строя. Ярким примером здесь служит деятельность Верховного суда Индии, сформировавшего концепцию базовой структуры Конституции, с помощью которой одновременно охраняется ее фундамент и допускаются модернизационные изменения через судебную интерпретацию (например, в решении по делу *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* (1973)¹² Суд утвердил принцип: Конституцию можно изменять, но нельзя нарушить ее базовую структуру (*basic structure*) — таким образом защищается фундаментальное ядро без отказа от модернизации).

Третьим, не менее важным, признаком является правовая динамичность при сохранении идентичности. Это означает, что адаптация должна быть направлена не на разрушение, а на обновление основ в новых условиях. Такая динамика реализуется, например, через механизмы постоянной ревизии конституционного законодательства, создание временных комиссий по конституционной реформе (как в Чили), разработку специальных правовых доктрин, ориентированных на защиту конституционной целостности. При этом адаптация допускает разную скорость — от медленной настройки до резкой трансформации, как это происходило, например, в Германии в послевоенный период или в Бразилии после падения военной диктатуры.

Четвертым важным элементом адаптивного конституционализма являются горизонтальность и участие. В условиях кризиса представительной демократии традиционные вертикаль-

ные модели управления всё чаще оказываются недостаточными для легитимации изменений. Конституции XXI в., как справедливо отмечает В. Аскерман, должны предусматривать формы прямого и консультативного участия граждан в принятии решений, в том числе в сфере конституционного нормотворчества¹³. Так, в ряде государств (например, в Исландии, Ирландии, Чили) были предприняты попытки разработки новых конституций или реформ существующих с привлечением широкой общественности через конституционные собрания, онлайн-консультации и народные голосования¹⁴.

Наконец, адаптивный конституционализм предполагает наличие баланса между стабильностью и обновлением. Это, пожалуй, самая сложная и чувствительная грань адаптивности, поскольку любое изменение основного закона потенциально содержит риск утраты им легитимности. В связи с этим важнейшим элементом становится встроенность механизмов саморефлексии, таких как обязательная юридическая оценка реформ, институционализированные процедуры общественного контроля за изменениями, гибкие нормы, допускающие эволюционное развитие прав без внесения формальных поправок. Такого рода механизмы можно наблюдать, например, в практике Конституционного совета Франции, последовательно развивающего правовую доктрину без изменения текста Конституции 1958 г.¹⁵

Связь адаптивного конституционализма с категорией конституционной идентичности особенно важна в контексте современных вызовов суверенитету, культурной самобытности и плюрализму. «Конституционная идентичность» — понятие, активно обсуждаемое в правовой науке (D. Grimm¹⁶, В. И. Крусс¹⁷, В. И. Пав-

¹² *Raikwal S., Sahai A.* The evolution of the basic structure doctrine through landmark judgments // URL: <https://ijalr.in/volume-5-issue-3/the-evolution-of-the-basic-structure-doctrine-through-landmark-judgments-siddharth-raikwal-dr-anumeha-sahai/> (дата обращения: 27.07.2025).

¹³ *Ackerman B.* We the People: Transformations. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000.

¹⁴ *Popescu D., Loveland M.* Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project // *Journal of Deliberative Democracy*. 2022. Vol. 18 (1) ; *García J. F.* A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile // *Global Constitutionalism*. 2024. Vol. 13 (1). P. 239–249.

¹⁵ URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁶ *Grimm D.* Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union // *European Yearbook of Constitutional Law 2022: A Constitutional Identity for the EU?* Springer, 2023. P. 13–24.

¹⁷ *Крусс В. И.* Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание // *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения*, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 571–573.

лов¹⁸ и др.), — включает в себя те ценности и принципы, которые государство признает неотъемлемыми и не подлежащими отмене даже в условиях реформ. В этом смысле адаптивность должна действовать в пределах конституционной идентичности, не разрушая ее, но обновляя средства ее выражения. Особенно ярко это проявляется в государствах, стремящихся сочетать универсальные ценности с национальными традициями, таких как Япония, Индия, Южная Корея. Более того, в условиях юридического плюрализма, когда конституционное право взаимодействует с обычным правом, религиозными нормами, международными стандартами и региональными актами, адаптивность оказывается инструментом согласования различных правовых порядков, позволяющим обеспечивать непрерывность правового развития и при этом учитывать сложность правовой картины современного мира.

Таким образом, адаптивный конституционализм предстает как система принципов и механизмов, направленных на обеспечение устойчивого, но гибкого функционирования основного закона в условиях непрерывно изменяющейся среды. Это не просто теория о возможности изменений, но юридически оформленная парадигма, задающая новые рамки для трактовки самого понятия «конституция» — не как монументального текста, но как живого правового организма, способного не только выживать, но и развиваться, не теряя своей сущности.

Критерии отбора и обоснование выборки конституций

Выбор государств для проведения сравнительно-правового анализа текстов конституций с целью выявления признаков адаптивного конституционализма требует не столько механического перечисления государств с разными формами правления или уровнями экономического развития, сколько методологически обоснованного подхода, позволяющего охватить максимальный спектр юридических, институциональных и культурно-цивилизационных контекстов. Такой подход должен учитывать несколько ключевых параметров: региональную принадлежность, тип правовой системы, осо-

бенности политического режима, историческую траекторию конституционного развития, а также степень участия общества в процессе конституционного реформирования. В совокупности эти факторы позволяют выделить конституционные системы, обладающие потенциальной исследовательской значимостью как в эмпирическом, так и в концептуальном аспектах.

Первым критерием отбора государств в данном исследовании выступает региональное и цивилизационное разнообразие. Это обусловлено необходимостью выявления универсальных и уникальных черт адаптивного конституционализма, проявляющихся в различных историко-культурных условиях. Так, анализ конституций государств Латинской Америки, Европы, Азии и Африки позволяет проследить, каким образом идея адаптации реализуется в обществах с различными моделями взаимодействия власти и социума, с разной степенью зрелости правовых институтов, с различными источниками легитимности. Это особенно важно, если исходить из понимания конституции не как сугубо правового документа, а как выражения общественного договора, в котором закрепляются не только нормы, но и глубинные социальные ожидания, правовые архетипы, политические традиции и идентичности.

Вторым критерием выбора является тип правовой системы — континентальная, англосаксонская, смешанная или иная форма. Это обусловлено тем, что адаптивность может проявляться по-разному в системах с преобладанием прецедентного права (например, в Канаде), с доминированием писаного закона (Германия, Япония) или в государствах с правовым дуализмом (например, Южно-Африканская Республика, где сосуществуют общее право и элементы традиционного африканского права). Сравнение этих моделей позволяет выявить, какие механизмы — судебные, законодательные, культурные — преобладают в обеспечении адаптивной функции конституции и как они соотносятся с текстом основного закона.

Третьим важным фактором являются политико-правовой режим и стадия развития конституционного порядка. Отобраны как устойчивые демократии с давними конституционными традициями (Германия, Швеция, Канада), так и государства, прошедшие через острые социально-политические трансформации (Южно-

¹⁸ Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Африканская Республика, Бразилия, Чили), в которых конституция выступала не только как юридический акт, но и как инструмент национального примирения, социального обновления и переосмысления основ государственного бытия. Эти кейсы представляют особый интерес в контексте изучения адаптивности, поскольку демонстрируют, как механизмами адаптации могут становиться не только формальные процедуры пересмотра, но и сама логика политического перехода, встраиваемая в конституционную сферу.

С учетом вышеизложенного в качестве предмета изучения были выбраны следующие девять государств: Канада, Германия, Южно-Африканская Республика, Индия, Бразилия, Швеция, Япония, Чили (в процессе реформы) и Южная Корея. Каждое из них представляет собой уникальный случай, позволяющий проследить особенности адаптивного конституционализма в конкретных институциональных, правовых и культурных условиях.

Канада вошла в выборку как представитель государств англосаксонской правовой семьи, обладающий нетипичной для данной традиции писаной конституцией, включающей в себя Конституционный акт (Constitution Act) 1867 г. (ранее — Британский Североамериканский акт), Конституционный акт 1982 г. и Канадскую хартию прав и свобод. Особый интерес представляет механизм федеративной адаптации в условиях многоуровневой идентичности, вбирающей англоязычные и франкоязычные сообщества, а также коренные народы. Канада — пример адаптивного федерализма, в котором механизм асимметричной автономии служит инструментом сохранения единства при высокой степени регионального разнообразия¹⁹.

Германия включается в выборку как представитель континентальной правовой традиции, обладающий жесткой и одновременно гибкой конституцией (Основной закон (Grundgesetz) 1949 г.)²⁰, признанной одной из самых стабильных в Европе. Особый интерес представляет

система «вечных положений» (абз. 3 ст. 79), одновременно задающих жесткие границы и позволяющих адаптацию внутри этих границ. Федерализм, система конституционного контроля и нормативная культура Германии дают возможность проследить, как адаптивность реализуется при высокой институциональной ригидности, не разрушая фундаментальных основ правопорядка.

Южно-Африканская Республика представляет уникальный пример постконфликтной Конституции, разработанной в рамках переходного правосудия. Особенность южноафриканской модели заключается в концептуальной открытости к изменениям и включенности в текст механизмов, способствующих инклюзивному принятию решений. Участие широкого круга акторов — от парламентских комиссий до гражданского общества — делает южноафриканскую Конституцию интересным примером «участвующего конституционализма» (participatory constitutionalism), развиваемого в работах T. Roux²¹ и D. Davis²².

Индия, обладая одной из самых объемных и динамично развивающихся конституций в мире (принята в 1950 г.), демонстрирует мощный судебный вектор адаптации, осуществляемый через доктрину базовой структуры и многочисленные конституционные поправки (на сегодняшний день более 100). Здесь адаптивность реализуется в контексте правового плюрализма, многоязычия и религиозного многообразия, что делает индийскую модель особенно интересной с точки зрения институционального согласования разнообразных правовых и социальных реальностей²³.

Бразилия входит в перечень как страна с богатым опытом демократического возрождения и высокой степенью социально-экономического расслоения, отраженного в тексте Конституции 1988 г.²⁴ Сформированная в условиях выхода из военного режима, она изначально задумывалась как инструмент социальной адаптации и включения ранее исключенных групп. Именно

¹⁹ Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2012.

²⁰ URL: <https://www.verfassungen.de/gg49-i.htm> (дата обращения: 27.07.2025).

²¹ Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African Constitution: distinction without a difference? // Stellenbosch Law Review. 2009. Vol. 20 (2). P. 258–285.

²² Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law // South African Journal on Human Rights. 2010. Vol. 26 (3). P. 403–509.

²³ Austin G. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press, 2000.

²⁴ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11795> (дата обращения: 27.07.2025).

Бразилия показывает, как социальные права и механизмы их реализации могут служить средствами конституционной адаптации в условиях неравенства и нестабильности.

Швеция, несмотря на отсутствие классической писаной конституции в виде единого текста, представляет интерес благодаря системной реформе основного закона, завершившейся в 1974 г.²⁵, и последующим корректировкам. Ее модель, отличающаяся высокой процедурной гибкостью и политической ответственностью, представляет собой пример «мягкой адаптивности», реализуемой через согласие политических элит и юридическое самоконтролирование.

Конституция Японии 1947 г. (так называемая Конституция мира)²⁶ остается неизменной более 75 лет и являет собой уникальный пример латентной адаптивности: изменения происходят не на уровне формального текста, а в интерпретации и правовой практике. Это особенно видно в вопросах, касающихся обороны, участия в международных миссиях и толкования ст. 9. Модель Японии позволяет анализировать, как судебная и административная практика может выполнять адаптивную функцию в условиях политической и культурной приверженности текстуальной стабильности.

Чили включено в выборку как наиболее яркий пример «живого» конституционного процесса. После протестов 2019 г. государство инициировало широкую общественную дискуссию о необходимости принятия новой конституции²⁷. Несмотря на сложный и неоднозначный процесс, Чили иллюстрирует, как адаптивность может принимать форму конституционного перезапуска в рамках демократической процедуры, основанной на участии и консенсусе.

Южная Корея представляет собой синтез модернизации и традиции. Конституция 1987 г.²⁸ была результатом массового движения за демократию и сохраняет высокую восприимчивость к цифровым, международным и социальным вызовам. Особый интерес вызывают институты парламентского контроля, цифровой демократии и судебной защиты прав, встраиваемые в конституционный ландшафт страны на фоне быстро меняющейся технологической среды.

Таким образом, совокупность выбранных государств не только обеспечивает региональную и правовую репрезентативность, но и демонстрирует широкий спектр способов реализации адаптивности в конституционных текстах и практике. Такой подход позволяет перейти от формального сравнения к содержательному выявлению моделей адаптивного конституционализма, а также прогнозированию возможных сценариев эволюции конституционного порядка в разных частях мира.

Анализ текстов национальных конституций через призму адаптивности

Продолжая сопоставительный анализ национальных конституций через призму адаптивного конституционализма, необходимо акцентировать внимание на содержательных и процедурных элементах, которые свидетельствуют о степени открытости конституционного текста и правовой системы к изменениям. Под адаптивными механизмами понимаются не только формальные процедуры пересмотра конституции, но и — шире — совокупность норм и институтов, способных отвечать на новые вызовы, обеспечивая при этом сохранение легитимности и устойчивости конституционного порядка. При этом важно различать адаптивность как потенциальную возможность (заложенную в тексте или структуре системы) и как реализованную практику, что требует ссылки на конкретные статьи конституций и сопоставления их с фактической конституционной динамикой.

В Канаде адаптивность проявляется в двойственном характере конституционного текста: он сочетает элементы писаного и неписаного права, что придает гибкость системе. Конституционный акт 1982 г.²⁹ содержит сложную процедуру пересмотра (ст. 38–49). Так, по общему правилу (ст. 38) для внесения поправок необходимо согласие 2/3 провинций, представляющих не менее 50 % населения, что свидетельствует о стремлении сохранить федеративное равновесие. Однако существуют и особые процедуры: например, согласно ст. 43 изменения, касающиеся отдельных провинций, могут

²⁵ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16262> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁶ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2637> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁷ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21145> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁸ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7145> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁹ URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=47> (дата обращения: 27.07.2025).

вноситься с согласия лишь затронутых субъектов. Эта децентрализованная модель пересмотра фактически обеспечивает возможность асимметричной адаптации — важного признака федерализма нового типа. Кроме того, Канадскую хартию прав и свобод (ч. I Конституционного акта 1982 г.) отличает сочетание гибкости и охраны прав: статья 1 прямо предусматривает возможность ограничения прав, если такие ограничения обоснованы в демократическом обществе, а статья 33 (так называемая *notwithstanding clause*) дает право федеральному парламенту или провинциям временно приостанавливать действие отдельных положений Хартии. Эти нормы позволяют реагировать на критические вызовы без разрушения структуры правовой системы, что делает Канаду типичным примером «адаптивного конституционного плюрализма»³⁰.

Конституция Южно-Африканской Республики представляет собой классический образец адаптивного перехода, как результат трансформации правового порядка и как средство преодоления постапартеидного наследия. Уже в преамбуле закреплён трансформационный пафос: «положить конец разделению и несправедливости прошлого». Процедура изменения Конституции подробно прописана в ст. 74: общим требованием являются большинство в 2/3 в Национальной ассамблее и 6 из 9 провинциальных делегаций в Национальном совете провинций, однако отдельные положения требуют квалифицированного большинства в 75 %. Эта процедура дополняется нормами о широком участии общественности (ст. 59 и п. 1 ст. 72), закрепляющими обязанность законодательных органов обеспечивать вовлеченность народа в парламентские процессы. Кроме того, в ст. 181 перечислены независимые институты, предназначенные для укрепления конституционной демократии: Комиссия по правам человека, Комиссия по вопросам равенства. Эти органы функционируют как каналы адаптации: через них осуществляется мониторинг соответствия политики конституционным ценностям. Особый интерес представляет статья 39, предписывающая судам при интерпретации Билля о правах учитывать международное право и, может, сравнительное конституционное право. Это превращает конституционный текст в динамическую структуру, открытую к глобальному

правовому полю, что принципиально важно в условиях глобализации.

Конституция Индии³¹, вступившая в силу 26 января 1950 г., демонстрирует уникальное сочетание формальной подвижности и глубинной правовой преемственности. Процедура пересмотра изложена в статье 368, предусматривающей три типа поправок — от простого большинства до квалифицированного, с участием штатов. Однако именно судебная практика стала главным инструментом адаптации. Так, в решении по делу *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* Верховный суд сформулировал доктрину базовой структуры, согласно которой ни один орган, включая парламент, не может изменять фундаментальные принципы Конституции, такие как суверенитет, демократия, светский характер государства, верховенство закона. Эта концепция, не закреплённая в тексте, стала краеугольным камнем индийского конституционализма, отражая глубинную юридическую адаптивность в сочетании с охраной конституционной идентичности. Статья 21 Конституции, гарантирующая «право на жизнь и личную свободу», интерпретируется столь широко, что охватывает уже более десятка социальных и экологических прав — от права на чистую окружающую среду до права на достойную смерть. Таким образом, именно активная интерпретация становится ключевым каналом включения новых прав и норм, превращая Конституцию Индии в «живой» текст, находящийся в непрерывном диалоге с обществом.

Швеция представляет собой исключительный случай, когда адаптивность реализуется не столько через текст, сколько через правовую культуру и институциональные традиции. Основной закон состоит из четырех актов, прежде всего Акта о форме правления 1974 г. (*Regeringsformen*). Согласно ему процедура пересмотра конституции в Швеции действительно требует двух решений Риксдага с промежуточными всеобщими выборами между ними. Это положение содержится в § 18 гл. 8: поправки требуют принятия двумя парламентскими созовыми с промежуточными выборами. Однако именно высокая степень консенсуса среди политических сил и доверие к парламентским институтам создают среду, в которой адаптация осуществляется мягко и без кризисов. В конституцию включены нормы, открытые к интерпре-

³⁰ Hogg P. W. *Constitutional Law of Canada* : 2024 Student Edition. The Carswell Company Ltd., 2024.

³¹ URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

тации, например параграф 2 гл. 1 Акта о форме правления, провозглашающий человеческое достоинство, свободу и равенство как ценностные основания права, что позволяет развивать новые правовые категории без изменения текста. Дополнительной чертой шведской модели является институциональная прозрачность: право на свободу получения информации как конституционно защищенное, обеспечивающее участие граждан в контроле за государством в основном закреплено в Акте о свободе печати (Tryckfrihetsförordningen), который является одной из четырех частей конституции. Параграф 1 гл. 2 Акта о форме правления (которая касается основных свобод и прав) устанавливает свободу выражения мнений и свободу информации. Эти нормы служат своего рода правовым барометром общественных изменений.

В случае с Южной Кореей Конституция устанавливает относительно жесткую процедуру пересмотра: согласно ст. 130 поправки требуют одобрения в Национальном собрании квалифицированным большинством (2/3) и последующего всенародного референдума. Однако значимую роль в адаптивности играет Конституционный суд (ст. 111), обладающий полномочиями как по абстрактному, так и по конкретному нормоконтролю. Именно он стал источником правовой модернизации, включая в сферу защиты такие феномены, как цифровые права, права меньшинств, вопросы кибербезопасности. Так, в решении от 23.08.2012 2010Hun-Ма47³² Суд признал неконституционным обязательство регистрировать реальные имена пользователей в Интернете, тем самым заложив основы цифрового права на анонимность. Кроме того, в ст. 10 Конституции закреплено право на человеческое достоинство, стремление к счастью и развитие личности, которое суд систематически наполняет конкретным содержанием в духе современных вызовов.

В Бразилии Конституция также является предметом активной адаптации, прежде всего в социальной и экологической плоскостях. Статья 6 включает в число основных социальных прав доступ к образованию, здравоохранению, труду, жилью, транспорту, продовольствию и окружающей среде. Особого внимания заслуживает статья 225, провозглашающая право на экологически сбалансированную окружающую среду как фундаментальное. Кроме того,

Федеральный верховный суд (Supremo Tribunal Federal), несмотря на отсутствие формального статуса отдельного конституционного органа, активно развивает правовые доктрины, направленные на защиту уязвимых групп и институциональную стабильность. Бразильская модель фактически демонстрирует «содержательную адаптивность» — способность помещать в сферу конституционной защиты актуальные социальные проблемы.

Япония представляет собой парадоксальный случай: Конституция ни разу не подвергалась формальным изменениям. Согласно ст. 96 для внесения поправок требуются квалифицированное большинство в обеих палатах парламента и одобрение на референдуме. Однако, несмотря на такую жесткость, Конституция фактически адаптировалась через судебную и исполнительную практику. Особенно показательно это в отношении статьи 9, запрещающей ведение войны и содержание вооруженных сил: интерпретация ее положений позволила Японии создать Силы самообороны, а в последние годы — расширить их полномочия. Это пример «интерпретативной адаптивности», где реальное содержание конституционных норм меняется без коррекции текста, что порождает двойственное восприятие легитимности как со стороны международного сообщества, так и внутри страны.

Чили представляет редкий случай «процедурной перезагрузки» конституционного порядка. Конституция 1980 г., несмотря на многочисленные поправки, оставалась символом авторитарного прошлого, что вызывало общественное недоверие. В 2019–2020 гг. был запущен процесс принятия новой конституции с участием Конституционного собрания, избранного на основе паритета полов и с включением представителей коренных народов. Несмотря на то что первая версия проекта была отвергнута на референдуме в 2022 г., сам процесс иллюстрирует высокую степень процедурной адаптивности: он реализует включенность, прозрачность и потенциал обновления без насилия и кризиса институциональности. Норма о возможности полного пересмотра Конституции в рамках действующего правового порядка стала важной демонстрацией адаптации через демократический процесс.

Таким образом, каждый из анализируемых кейсов иллюстрирует особенности адаптации

³² URL: https://isearch.ccourt.go.kr/download.do?filePath=/st_xml/sdata3/ccourt/xmlData_new/xmlFile/0/010400/2012/pdf/e2010m47_1.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

конституционного текста в зависимости от правовой культуры, институтов и формы государственной легитимности. Адаптивность здесь не отвлеченная идея, а измеряемая правовая реальность, закрепленная в статьях, механизмах и институтах, которые в совокупности создают подвижную, но не разрушительную конструкцию основного закона.

Типология моделей адаптивного конституционализма

Типология моделей адаптивного конституционализма, предложенная на основе детального анализа текстов и практик функционирования девяти национальных конституций, позволяет не только систематизировать эмпирический материал, но и выявить структурные основания, определяющие различия в подходах к трансформации конституционного порядка. Принципиальными становятся отказ от упрощенного бинарного деления на жесткие и гибкие конституции, господствовавшего в компаративистике XX в. (A. V. Dicey, C. F. Strong), и переход к многоуровневой оценке адаптивности, включающей институциональный, культурно-ценностный, процедурный и интерпретативный уровни.

Институционально гибкая модель, представленная в первую очередь Федеративной Республикой Германия и Республикой Корея, основывается на развитом механизме конституционного контроля, четкой системе распределения полномочий и формализованной, но гибкой процедуре правовой интерпретации. В Германии, как уже отмечалось, статья 79 Основного закона защищает базовые положения конституционного строя от пересмотра (так называемая вечная оговорка), но в то же время институциональная структура Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht), основанная на ст. 92–94, обеспечивает возможность эволюционного развития права без внесения формальных изменений. Аналогичным образом в Южной Корее Конституционный суд (ст. 111 Конституции) стал важнейшим каналом правового реагирования на вызовы цифровой эпохи. Оба примера демонстрируют, что адаптация может достигаться не путем изменения текста, а через институциональную обработку

вызовов — посредством правового толкования, мониторинга, гибкого применения норм. Такой подход поддерживается в научной литературе: в частности, немецкий исследователь К. Хессе подчеркивал важность «герменевтической пластичности» текста как условия устойчивости конституционного порядка³³.

Культурно-ценностная адаптация, характерная для Канады и Швеции, предполагает не столько механическую гибкость правовых институтов, сколько их устойчивую способность к инкорпорации меняющихся общественных ожиданий на основе консенсусной легитимации. В Канаде, как известно, существует уникальное сочетание писаного и обычного права, при котором конституционные обычаи и судебные прецеденты не менее значимы, чем формальные поправки. Например, институт *honour of the Crown* в контексте отношений с коренными народами вытекает не из конкретной статьи конституции, а из сложившейся практики, признанной Верховным судом Канады. Шведская конституционная модель, представленная в Акте о форме правления, закрепляет принципы человеческого достоинства, свободы, равенства и устойчивости, придавая им не только декларативное, но и программное значение. При этом изменения в основном законе возможны, но происходят редко: сама культура принятия решений, уровень доверия к институтам и готовность к рациональному компромиссу формируют особый тип адаптивности, который может быть назван ценностно-институциональной стабильностью. Этот подход хорошо раскрыт в работах скандинавских исследователей. Например, M. Zamboni обращает внимание на структуру государственного управления и культурное различие между дискурсом и конституционной культурой Швеции: изменения происходят редко, несмотря на наличие формальных механизмов, и при этом высокий уровень доверия и политическая дисциплина обеспечивают адаптивность без формальных поправок³⁴.

Политико-правовая переходная модель, воплощенная в конституционных системах Южно-Африканской Республики и Чили, демонстрирует, как процесс конституционного преобразования становится средством адаптации. В Южно-Африканской Республике согласно ст. 1 Конституции провозглашается демократиче-

³³ Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller, 2020.

³⁴ Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism // ICL Journal. 2025. Vol. 19 (1). P. 47–85.

ское государство, основанное на достоинстве, равенстве и свободе. Но ключевым становится механизм постоянной реконфигурации институциональных границ в ответ на меняющиеся социальные реалии. Например, институт общественного защитника (Public Protector), установленный статьей 182, активно используется в качестве инструмента гражданского контроля над исполнительной властью. Процесс разработки новой конституции в Чили, несмотря на отказ от первого проекта на референдуме 2022 г., служит показательным примером того, как общество через демократические процедуры стремится легитимировать фундаментальные изменения политической системы. Взгляды чилийских юристов и общественных деятелей, таких как F. Atria и V. Undurraga, являются ключевыми для понимания этого феномена. Однако их подходы имеют разные акценты. F. Atria, давний и последовательный критик Конституции, утверждает, что она изначально была недемократической и содержала ловушки для нейтрализации народной воли³⁵. Для него конституционный процесс — это не просто адаптация, а необходимый разрыв с авторитарным наследием и попытка учредить власть на подлинно демократических основаниях. Его работы аргументируют необходимость создания совершенно нового общественного договора, рожденного из суверенной воли граждан. V. Undurraga, занимавшая пост президента Экспертной комиссии на втором этапе процесса, акцентирует внимание на процедурной легитимности и достижении консенсуса. С ее точки зрения, настойчивость чилийского общества в поиске новой конституционной формулы после первой неудачи демонстрирует его приверженность демократическим институтам³⁶. Легитимность итогового текста, по ее мнению, напрямую зависит от качества диалога, инклюзивности и способности создать общую правовую рамку — «дом для всех» (*una*

casa para todos). Таким образом, адаптивность политической системы может проявляться не только через гибкость текста конституции, но и через устойчивость самого демократического процесса, нацеленного на достижение широкого общественного согласия.

Судебно-интерпретативная модель, реализованная в Индии и Бразилии, демонстрирует, как суды становятся активными агентами конституционного обновления. В Индии, как подчеркивают Т. К. Thommen³⁷ и У. Вахи³⁸, Верховный суд не просто применяет нормы Конституции — он участвует в их переформулировании. Так, уже упоминавшаяся статья 21 о праве на жизнь стала источником юриспруденции, расширяющей сферу действия прав человека. Аналогично в Бразилии Федеральный верховный суд на основании ст. 102 Конституции обладает широкими полномочиями по контролю за соответствием законодательства основному закону и активно использует эти полномочия в защите прав меньшинств, окружающей среды, политических свобод. Здесь адаптивность реализуется за счет гибкости доктринального инструментария: концепция нового конституционного порядка (*Novo Constitucionalismo*), распространенная в бразильской доктрине, допускает активную роль суда в изменении смыслового ядра Конституции³⁹. Именно такие процессы и позволяют говорить об интерпретативной форме адаптивности, при которой изменяется не текст, а его семантическая матрица.

Наконец, **латентно адаптивная модель**, представленная Японией, отражает ситуацию, при которой конституционный текст остается прежним, но его применение изменяется в зависимости от политических и международных обстоятельств. Конституция Японии, как известно, ни разу не подвергалась формальным изменениям. Тем не менее, например, статья 9, запрещающая ведение войны, была

³⁵ Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones, 2013.

³⁶ Informe final de la comisión experta // URL: <https://www.procesoconstitucional.cl/wp-content/uploads/2023/08/informe-final-comision-experta.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

³⁷ Взгляды судьи Т. К. Thommen ярко проявились в одном из знаковых дел, касающихся толкования статьи 21: *Delhi Transport Corporation v. D. T. C. Mazdoor Congress* (1991 AIR 101, 1991 SCR (1) 191). В этом решении, хотя оно касалось трудового права, судья широко обсуждал природу конституционных гарантий. Он подтвердил, что толкование Конституции должно быть динамичным, чтобы соответствовать меняющимся социальным потребностям.

³⁸ Baxi U. *Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties*. Bombay : N. M. Tripathi, 1985.

³⁹ Barroso L. R. *O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil*. Belo Horizonte : Fórum, 2013.

в течение десятилетий предметом активного толкования: от запрета на наличие армии до допустимости существования Сил самообороны и даже ограниченного участия в международных миссиях. Такая трансформация возможна благодаря исполнительному и парламентскому правотворчеству, формально не меняющему текст, но фактически адаптирующему его к новым реалиям. Это свидетельствует о том, что японский конституционализм «живет» не через формальные поправки, а через политический смысл, придаваемый его нормам. Латентная адаптация тем самым представляет собой скрытую форму трансформации: она лишена драматизма, но сохраняет возможность значительных сдвигов в содержании правовых норм.

Критерии разграничения этих моделей можно свести к трем основным параметрам. Во-первых, это доминирующий источник адаптации: в одних странах адаптивность обеспечивается парламентом или конституционными комиссиями (законодатель), в других — конституционным судом (суд), в третьих — участием народа через референдум или учредительное собрание (народ). Во-вторых, это уровень институционализации изменений: встроены ли механизмы адаптации в само конституционное регулирование либо действуют как внешние по отношению к тексту. В-третьих, степень нормативной открытости текста: возможность гибкой интерпретации, широкие формулировки, ссылки на международное право, открытые ценностные декларации.

Таким образом, предложенная типология позволяет не только систематизировать наблюдаемое разнообразие подходов к конституционной адаптации, но и выявить глубинные механизмы, посредством которых государства обеспечивают устойчивость и жизнеспособность своих конституционных систем в условиях неопределенности. Именно через такую типологию возможно создание операциональной модели адаптивного конституционализма, применимой для прогностического анализа развития конституционного порядка в условиях глобальной и национальной трансформации.

Варианты развития конституционного порядка в рамках адаптивной модели

Для развития конституционного порядка в условиях нарастающей нестабильности глобальной правовой и политической среды всё более акту-

альным становится сценарный подход, позволяющий смоделировать потенциальные траектории адаптации национальных правовых систем с учетом как их внутренних особенностей, так и транснациональных влияний. В рамках предложенной адаптивной модели целесообразно выделить четыре базовых сценариев: эволюционного, реформаторского, трансформационного и гибридного. Каждый из них базируется на различных механизмах реагирования на вызовы — от институционального самосохранения до системной переориентации идентичности. При этом такие сценарии необязательно развиваются в чистом виде: на практике они часто комбинируются или сменяют друг друга в результате политических или социокультурных сдвигов.

Эволюционный сценарий характерен для государств с высокой степенью институциональной стабильности и укорененной правовой культурой, где адаптация осуществляется без радикального пересмотра основного закона. Наиболее ярким примером здесь является Швеция, в которой основной закон подвергался изменениям крайне редко, а основным инструментом адаптации выступает согласованное развитие норм и процедур в рамках парламентской демократии. Так, глава VIII Акта о форме правления предусматривает процедуру поправки через два последовательных решения Риксдага, разделенных парламентскими выборами, что позволяет обществу вовремя реагировать на предложения реформ. Однако в реальности этот механизм используется умеренно, приоритет отдается политическим компромиссам, консенсусу и тонкой настройке административных практик. Япония также может быть отнесена к данной группе, несмотря на формальную жесткость текста Конституции. Ни одна поправка в нее так и не была внесена, а интерпретация норм, прежде всего ст. 9, происходит на фоне широкой общественной дискуссии, действующего законодательного поля и практики исполнительной власти. Эволюционность здесь принимает форму «тихой адаптации» — структурно-семантических сдвигов, не зафиксированных формально, но значимых в плане содержания конституционного порядка.

Реформаторский сценарий, напротив, предполагает сознательное и институционально закрепленное движение к обновлению конституционной ткани. Пример такого подхода — Южно-Африканская Республика: ее Конституция изначально задумывалась как «живой» документ, способный реагировать на наследие

апартеида и современные вызовы. Процедура внесения изменений, изложенная в ст. 74, допускает как квалифицированное парламентское голосование, так и участие провинциальных органов, что делает систему устойчивой к произвольным изменениям, но одновременно восприимчивой к трансформациям. Важным элементом реформаторского подхода является институт независимых органов, действующих на основании ст. 181, таких как Комиссия по вопросам равенства и Комиссия по правам человека, которые позволяют гибко реагировать на социальную динамику. В Индии, как уже отмечалось, главным проводником реформ стала судебная власть. При этом парламент также активно использует ст. 368 для внесения поправок, что делает индийский случай уникальным примером сбалансированного дуализма — сочетания законодательной и интерпретативной адаптаций. Более 100 поправок к Конституции Индии свидетельствуют о системной институциональной работе по актуализации правового порядка без разрушения его идентичности.

Трансформационный сценарий — один из наиболее чувствительных в плане рисков и политической легитимности. Он предполагает не просто коррекцию норм или структур, а перепределение самого государства в правовом смысле. Чили — хрестоматийный пример такого сценария. После массовых протестов 2019 г. начался процесс формирования новой конституции, отражающей не только политические, но и социокультурные изменения. Особенностью стало включение принципов гендерного равенства, прав коренных народов и экологической устойчивости. Процедура, предусматривающая выбор Конституционного собрания на основе равенства полов и участия представителей индейских народов, сама по себе выступила актом конституционного обновления. Несмотря на то что проект был отклонен на референдуме в 2022 г., сам факт запуска переформатирования конституционной идентичности, не сопровождавшийся крахом институтов или правовым коллапсом, стал важным свидетельством жизнеспособности трансформационного сценария. Бразилия в значительной степени повторяет эту траекторию: Конституция, возникшая на волне демократизации после военного режима, с самого начала была направлена на трансформацию общества через право, отсюда включение в основной текст широкого набора социальных, культурных и экологических прав (ст. 5, 6 и 225). Однако дальнейшее развитие сопровождалось

институциональными кризисами, вызванными попытками политических элит использовать адаптивные механизмы в собственных интересах. Это иллюстрирует двойственность трансформационного подхода: он может вести как к демократическому обновлению, так и к подрыву правовых оснований в случае утраты институционального баланса.

Гибридный сценарий является наиболее распространенным и в то же время концептуально сложно схватываемым. Он сочетает элементы стабильности текста и подвижности практики, формальной неизменности и живого реагирования на вызовы. Примером служит Канада, где конституция представляет собой сложный массив документов, включая Конституционный акт 1867 г., Конституционный акт 1982 г. и сопутствующие законы, а также конституционные обычаи. Формальные изменения происходят редко из-за высокой сложности процедуры (ст. 38–49 Конституционного акта 1982 г.), но адаптация обеспечивается через судебную практику, в особенности Верховного суда Канады, и активную роль провинциальных парламентов. Южная Корея также демонстрирует элементы гибридности: Конституция формально жесткая, но институциональная структура, прежде всего Конституционный суд, и активное участие гражданского общества создают условия для устойчивой подвижности. Особенно интересен в этом контексте механизм публичных слушаний и цифрового взаимодействия с гражданами, развиваемый на основе статьи 10 Конституции, закрепляющей принцип человеческого достоинства и стремления к счастью. В этом случае гибкость реализуется не столько через изменение норм, сколько через расширение каналов общественного влияния на интерпретацию и применение закона.

Каждый из сценариев, однако, сопряжен с определенными рисками, которые нельзя игнорировать при моделировании будущего развития конституционных систем. Во-первых, существует реальная угроза эрозии легитимности: частые изменения основного закона, особенно в трансформационном или реформаторском сценариях, могут быть восприняты обществом как проявление институциональной нестабильности, вызывая снижение доверия к правовой системе. Это особенно актуально в условиях, когда изменения иницируются политическим меньшинством или без должного участия граждан. Во-вторых, в условиях слабости институтов возможен захват адаптивных механизмов

политическими или экономическими элитами, использующими конституционные реформы для сохранения власти или перераспределения ресурсов, — ситуация, неоднократно описанная в литературе как форма конституционного популизма (см. работы J.-W. Muller⁴⁰ и R. Smith⁴¹). На, конец, существует опасность конституционной амнезии — утраты исторической и правовой преемственности при чрезмерном уповании на обновление. В этом случае разрыв с традицией может привести к делегитимации всей правовой системы, особенно в обществах с глубоко укорененными символическими кодами (например, Япония или Германия).

Таким образом, сценарный подход позволяет не только систематизировать возможные пути развития адаптивного конституционализма, но и оценить их применимость с учетом политико-правовых реалий конкретных государств. В условиях неопределенности будущего, обостренного цифровыми, экологическими, культурными и геополитическими вызовами, именно способность к предвидению и осмысленному управлению конституционными изменениями становится критерием зрелости правовой системы. А адаптивный конституционализм не только концепт, но и методология, открывающая горизонты для нового понимания динамики правового порядка.

Заключение

Исследование позволило сформулировать и обосновать авторскую концептуализацию адаптивного конституционализма как правовой модели, способной обеспечить устойчивое развитие конституционного порядка в условиях глобальной трансформации политико-правовой реальности. Одним из ключевых достижений работы стали выявление и систематизация критериев адаптивности, позволяющих отличать формально гибкие, но по сути инертные конституционные конструкции от по-настоящему восприимчивых к изменениям правовых систем, обладающих механизмами внутреннего обновления при сохранении институциональной и ценностной непрерывности. К числу таких критериев отнесены процедурная открытость, институциональная восприимчивость, правовая динамика в сочетании с идентичностью, гори-

зонтальность взаимодействий, а также наличие механизмов гражданского участия и правового плюрализма.

На основании сопоставительного анализа девяти современных национальных конституций, представляющих различные цивилизационные, правовые и политические традиции, предложена типология моделей адаптивного конституционализма: институционально гибкой, культурно-ценностной, политико-правовой переходной, судебной-интерпретативной и латентно адаптивной, каждая из которых отражает свой путь легитимации изменений в условиях усложняющегося взаимодействия между государством, обществом и международной средой. Подобная классификация не только теоретически осмысляет специфику адаптации, но и позволяет выявить наиболее уязвимые звенья правовых систем в процессе трансформации, будь то чрезмерная формализация, монополизация интерпретации или отрыв от культурных оснований легитимности. Тем самым открывается путь к более точному и эмпирически обоснованному анализу реальной устойчивости конституционного порядка в конкретных странах.

Сценарный подход, примененный в заключительной части исследования, позволил выделить четыре базовых направления развития конституционного порядка в условиях адаптивной модели: эволюционное, реформаторское, трансформационное и гибридное. Каждый сценарий, как показал анализ, обладает своей логикой развития, институциональной базой, а также своими рисками и ограничениями. Так, эволюционный сценарий оказывается эффективным лишь при высокой степени консенсуса и культурной стабильности; реформаторский требует баланса между политической волей и общественным доверием; трансформационный рискует подорвать правовую идентичность в случае утраты институциональной преемственности; гибридный же, при всей своей гибкости, нуждается в сложной координации между различными центрами правового влияния. Указанные сценарии могут служить основой для построения прогностических моделей, оценки правовых рисков, планирования реформ и оценки потенциальной устойчивости национального конституционного порядка в долгосрочной перспективе.

⁴⁰ Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2016.

⁴¹ Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT : Yale University Press, 2020.

Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в утверждении адаптивного конституционализма как самостоятельного направления современной правовой мысли, в котором сочетаются идеи институционального конструктивизма, теории жизненного цикла конституций и правовой эволюции. В отличие от классического нормативизма, предполагающего статичность и универсализм конституционной формы, адаптивный подход исходит из принципа контекстуальности, множественности возможных траекторий развития и важности встроенных механизмов обратной связи. С этой точки зрения особенно важным представляется развитие методологии междисциплинарного анализа, позволяющего учитывать не только юридические, но и политические, культурные и технологические параметры функционирования правовых систем.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения для конституционного проектирования, правовой экспертизы, анализа устойчивости государственных институтов, а также оценки

легитимности предпринимаемых реформ. Предложенная типология может быть использована для разработки индикаторов адаптивности при мониторинге правовых систем, особенно в условиях политических или социальных кризисов. Кроме того, концепт адаптивного конституционализма способен выступать теоретическим основанием для правотворческих инициатив, направленных на институциональное обновление без подрыва основ правового государства, что особенно важно для государств, находящихся в состоянии транзита или системного напряжения.

Таким образом, адаптивный конституционализм в современной интерпретации выходит далеко за рамки академического интереса: он становится ответом на фундаментальный вызов времени — как сохранить правопорядок в мире, где постоянство стало исключением, а изменчивость — правилом. В этом контексте задача юриспруденции — не просто фиксировать перемены, но проектировать формы правовой устойчивости, способные не разрушаться под давлением перемен, а использовать их как ресурс для собственного обновления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарь Н. С., Берлявский Л. Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 4. С. 46–59.

Крусс В. И. Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 571–573.

Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 22–26.

Смирнов В. А. Теория «живой конституции» в современном конституционализме // Современное право. 2022. № 2. С. 98–107.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016. 320 с.

Ackerman B. We the People: Transformations. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000. 528 p.

Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones, 2013. 166 p.

Austin G. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press, 2000. 412 p.

Barroso L. R. O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil. Belo Horizonte : Fórum, 2013. 522 p.

Baxi U. Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties. Bombay : N. M. Tripathi, 1985. 82 p.

Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century // Social Research: An International Quarterly. 2014. Vol. 81 (3). P. 519–539.

Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law // South African Journal on Human Rights. 2010. Vol. 26 (3). P. 403–509.

Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // Modern Law Review. 2024. Vol. 87 (4). P. 799–832.

- Elkins Z., Ginsburg T. G., Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 260 p.
- García J. F. A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile // *Global Constitutionalism*. 2024. Vol. 13 (1). P. 239–249.
- Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 2018. 320 p.
- Grimm D. Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union // *European Yearbook of Constitutional Law 2022: A Constitutional Identity for the EU?* Springer, 2023. P. 13–24.
- Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller, 2020. 335 S.
- Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2012. 264 p.
- Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2016. 136 p.
- Popescu D., Loveland M. Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project // *Journal of Deliberative Democracy*. 2022. Vol. 18 (1).
- Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African Constitution: distinction without a difference? // *Stellenbosch Law Review*. 2009. Vol. 20 (2). P. 258–285.
- Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT : Yale University Press, 2020. 176 p.
- Strauss D. A. The Living Constitution. Oxford University Press, 2010. 176 p.
- Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism // *ICL Journal*. 2025. Vol. 19 (1). P. 47–85.

REFERENCES

- Ackerman B. We the People: Transformations. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2000.
- Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones; 2013.
- Barroso LR. O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil. Belo Horizonte: Fórum; 2013.
- Baxi U. Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties. Bombay: N. M. Tripathi Publ.; 1985.
- Bondar NS, Berlyavsky LG. From the «living constitution» to judicial constitutionalism: the comparative legal concept of Russia and the USA. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2024;20(4):46-59. (In Russ.).
- Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century. *Social Research: An International Quarterly*. Johns Hopkins University Press. 2014;81(3):519-539.
- Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law. *South African Journal on Human Rights*. 2010;26(3):403-509.
- Dixon R. The New Responsive Constitutionalism. *Modern Law Review*. 2024;87:799-832.
- Elkins Z, Ginsburg TG, Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- García JF. A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile. *Global Constitutionalism*. 2024;13(1):239-249.
- Ginsburg T, Huq AZ. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press; 2018.
- Granville A. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press; 2000.
- Grimm D. Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union. *European Yearbook of Constitutional Law*. 2022;13–24.
- Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller; 2020.
- Khabrieva TYa. Constitutional reform in the modern world. Moscow: Nauka RAN Publ.; 2016. (In Russ.).
- Kruss VI. Constitutional identity of Russia: relevance and goal-setting. In: *Global conflict and the contours of the new world order. 20th International Likhachev scientific readings*. St. Petersburg; 2022. (In Russ.).
- Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver, Toronto: UBC Press; 2012.
- Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press; 2016.

Pavlov VI. Constitutional identity and the rule of law as two different paradigms of modern constitutionalism. *Law.by*. 2022;5(79):36-42. (In Russ.).

Popescu D, Loveland M. Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project. *Journal of Deliberative Democracy*. 2022;18(1).

Romashov RA. Legal technique of changing constitutional legislation in the system of «living» law of modern Russia. *Juridical Techniques*. 2023;17:22-26. (In Russ.).

Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African constitution: distinction without a difference? *Stellenbosch Law Review*. 2009;20(2):258-285.

Smirnov VA. The theory of a «living constitution» in modern constitutionalism. *Sovremennoe pravo*. 2022;2:98-107. (In Russ.).

Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT: Yale University Press; 2020.

Strauss DA. The Living Constitution. Oxford University Press; 2010.

Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism. *ICL Journal*. 2025;19(1):47-85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений
корп. 11, промзона ФГУП «ВНИИФТРИ», р. п. Менделеево, г. Солнечногорск,
Московская область 141570, Российская Федерация
psu@vniiftri.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogy), Academic Secretary, All-Russian Scientific Research Institute for Physical-Engineering and Radiotechnical Metrology, Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu@vniiftri.ru

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 8 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 08.04.2025.

Revised 08.09.2025.

Accepted 15.07.2026.